

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» — НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ?

Н. А. Горева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 сентября 2009 г.

Аннотация: в статье исследуется проблема политической идеологии в современной России, так как для нашей страны вопрос идеологии всегда занимал ведущее место. Рассматривается такой феномен политической жизни России, как суверенная демократия, который государственная власть преподносит в качестве концепции государственной идеологии, сплачивающей государство и общество. Освещается также отношение непосредственно политической элиты к концепции, предложенной В. Сурковым.

Ключевые слова: суверенная демократия, политический режим, государственная идеология, национальная идея, суверенитет.

Abstract: the question of ideology always took leading place for our country. That's why the article researches the problem of political ideology in the modern Russia. It is considered such political phenomenon as «sovereign democracy» which government presents as the conception of state ideology, uniting a state and a society. Also in this article it is shown the attitude of politicians to the conception were offering by V. Surkov.

Key words: sovereign democracy, political regime, state ideology, national idea, sovereignty.

Политическая идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений, она задает направленность деятельности государства и других важнейших институтов власти.

Со времени появления термина «идеология» (его ввел французский философ эпохи позднего Просвещения Антуан Дестют де Трасси) в науке сложились различные взгляды на его содержание и то духовное явление, которое оно отражает в политической сфере общества. Так, В. Парето рассматривал общественные (политические) идеологии как интеллектуальные системы, которые являются «языками чувств» и лишь оформляют побудительные мотивы человеческого поведения. В этом смысле идеология суть лишь ловкий словесный покров, оболочка, которая придает теоретическую форму человеческим эмоциям. Основоположник теории идеологии К. Маркс видел в ней прежде всего форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями общественного бытия, и в первую очередь производственных отношений. В противоположность таким идеям Д. Истон, А. Конноли и некоторые другие ученые делали

упор не на ее эмоциональном, а на ценностном содержании [1, с. 230].

По-разному оценивалась и оценивается роль политической идеологии в обществе, причем оценки располагаются в весьма широком диапазоне: от ее характеристики как замкнутой на себя «служанки власти», не имеющей связи с реальностью и потому не обладающей сколько-нибудь серьезным весом в политике, до признания ее открытой к изменениям, гибко адаптирующейся идейной системы, пронизывающей все политическое пространство.

И все же, синтезируя основные подходы, можно сказать, что политическая идеология представляет собой прежде всего определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование), добивающейся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям. Иными словами, политическая идеология — это разновидность корпоративного сознания, отражающая групповую точку зрения на ход политического и социального развития общества и потому отличающаяся определенной предвзятостью оценок и склонностью к духовному экспансионизму [1, с. 230—231].

Как средство идейного обеспечения групповых интересов политическая идеология является по

преимуществу инструментом элитарных слоев, которые с ее помощью консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве. Именно от тактики и компетентности элит зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов.

Выступая средством идейного воплощения интересов группы, идеология схематизирует и потому в определенной степени огрубляет действительность. Созданный таким способом образ групповых целей и ценностей может быть использован для примитивизации политического сознания граждан, манипулирования и даже обмана населения. Но в целом позитивная направленность такой схематизации состоит в том, чтобы зафиксировать определенные критерии оценки политической реальности, создать нормативную модель восприятия мира политики, сделать сложную ситуацию политической динамики простой и понятной для обычного человека. Поэтому с помощью идеологий политические цели группы символизируются и получают индивидуальные значения, а политические действия приобретают конкретную направленность. В результате снижаются стихийность восприятия политики и хаотичность политического взаимодействия в группе.

Таким образом, через идеологию канализируются массовые эмоции, чувства протеста или солидарности, негодования или поддержки. Сопровождая процесс агрегирования и артикуляции, идеология концептуализирует представления людей о политической ситуации, встраивает эти оценки в их общую картину мира, стремится сделать понятными политические изменения. Посредством идеологии люди обогащают свои индивидуальные воззрения общегрупповыми представлениями о «родине», «чувстве долга», других коллективных верованиях.

Без идеологии в общественном и индивидуальном сознании нарастают тенденции к упрощению и примитивизации политической действительности. Вместо игры интересов, сложной взаимосвязи сил и позиций люди видят «театр абсурда», в котором политики собирают друг на друга компроматы, говорят малопонятные слова, совершают бессмысленные поступки. В таком случае эмоции наполняют коллективные позиции, не дают людям возможности рационализировать ситуацию, понять свои предпочтения, а также возрастает импульсивность их поведения. Вне

идеологии расширяется простор для прямой апелляции к психике человека, разрушения устойчивых позиций и нарастания отчуждения от политики [1, с. 231].

С точки зрения политических функций, идеология стремится сплотить, интегрировать общество с целью реализации интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и т.п.) группы. При этом, помимо рациональных, нередко теоретически обоснованных положений, любая идеология предполагает некую дистанцированность от действительности, проповедуя те цели и идеалы, которые людям предлагается воспринять на веру. В меньшей степени таким качеством обладает официальная идеология, которая направляет реальный курс государственной политики и служит основанием для принятия важнейших решений. Особой же предрасположенностью к утопизму обладают идеологии оппозиционных сил, как правило, ожидающие от власти значительно большего, чем она может дать, и стремящиеся с помощью красивого идеала привлечь к себе массы сторонников.

Роль идеологии в мире политики меняется в зависимости от исторических условий, ситуации в стране, соотношения сил. Однако опыт истории свидетельствует, что эффективность общественных преобразований всегда зависела от наличия или отсутствия определенной идеологии, выражающей интересы значительной части общества. Без нее невозможны ни осознанный социально-политический выбор граждан, ни общенациональная идентичность и целостность государства, ни перспективная и действенная стратегия общественного развития, ни определенное и узнаваемое место в сообществе современных государств.

Для России вопрос идеологии всегда занимал ведущее место. На протяжении всего XX столетия российское государство было подвержено влиянию мощнейших идеологий. Пожалуй, не было ни одной сферы общественной жизни, которая бы не испытывала влияние идеологии, будь то экономика, культура или образование. Но, в первую очередь, это касалось политики. И здесь главная опасность — не увлечься эгоистическими целями. Дело в том, что идеология становится ложным сознанием лишь тогда, когда ее социальные носители перестают понимать реальную действительность. Именно так было на рубеже 90-х гг. прошлого столетия, когда рушились ценности советской идеологии, именно такой момент Россия пережила в 90-е гг., когда обнаружилась ложность

политики «шоковой терапии» и радикальных реформ. Понадобилось несколько лет политики таких реформ с ее очевидными провальными результатами, чтобы осознать необходимость выработки национальной идеи.

С приходом к власти В. Путина вопрос о национальной идее и об идеологии в целом зазвучал с новой силой. Сугубо либеральные ценности стали отходить на задний план, уступая место ценностям российской государственности и традиционализма. В политике явно прослеживался рост унификационных тенденций: изменилась роль важнейших властных институтов, средства массовой информации попали под контроль государства, изменилась избирательная система, явно игнорировалась деятельность оппозиции со стороны «партии власти» и т.д.

Такой поворот в политике привел к идейному расколу среди радикал-либералов, ориентирующихся, как правило, на западные ценности. Из их среды выделилась группа так называемых «либерал-патриотов», призвавших к воссозданию на пространстве бывшего СССР некой «либеральной империи» под эгидой крупного олигархического капитала [2, с. 262]. Однако подобная «олигархическая версия» новой идеологии в свете принципа равноудаленности олигархов не могла стать официальной. Элите была необходима идеология, способная обосновать, прежде всего, уже захваченные властные позиции и защитить приобретенные богатства. Эту функцию успешнее всего мог выполнить консерватизм с его ориентацией на стабильность и традиции. На него и была сделана главная ставка [2, с. 263].

Если на Западе консерватизм эволюционировал в неоконсерватизм, то в России произошло нечто совсем иное: либерализм, взяв на вооружение основные консервативные ценности, приобрел некую ретроконсервативную форму, в основу которой были положены державные ценности, которые, по мнению руководства страны, призваны скрепить современную российскую государственность. Очевидно, что эти идеи были призваны обслуживать интересы государственной власти, в частности, «партии власти», российское общество осталось в стороне. В основу общегражданской идеологии не может быть положен партийный принцип в силу того, что в России существует кризис доверия избирателей к партийной системе. Данные социологических опросов свидетельствуют об этом: более половины россиян идеологически не идентифицируют себя в рамках известной триады: левые,

правые, патриоты. Лишь 14 % опрошенных считают себя «левыми», 13 % — правыми, а 10 % — симпатизируют «русским патриотам» [2, с. 270]. Реалистически мыслящие люди в своей массе далеки от того, чтобы отказываться от ценностей свободы, институтов рынка и демократии, как бы ложно они кем-то ни трактовались и неумело воплощались на практике.

Тем не менее события 2003—2004 гг. (дело ЮКОСа, бесланский теракт, киевская «оранжевая революция», российские массовые акции против вступления в силу закона о монетизации льгот, нарастание критической волны в адрес российского руководства в мировых СМИ) показали несостоятельность так называемой ретроконсервативной идеи. Государственная власть нуждалась в идее, доктрине, концепции, которая смогла бы отразить политическую позицию сразу по нескольким направлениям — начиная от политики в отношении ближайших соседей и заканчивая состоянием собственно российского политического режима. Еще одним фактором служила необходимость дополнительно разъяснить смысл реформы политической системы России, анонсированной В. Путиным 14 сентября 2004 г. Изменение порядка формирования региональной власти, отмена одномандатных округов на парламентских выборах и учреждение Общественной палаты — все эти новшества активно обсуждались в то время, и нужна была политическая концепция, комментирующая эти нововведения. «Суверенная демократия» — вот та политическая концепция, идея, которая стала лейтмотивом государственной власти и была использована для легитимации всех проводимых изменений, да и режима в целом.

Несмотря на то, что сам термин «суверенная демократия» в публичных выступлениях Президента не употреблялся, в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию в период с 2000 по 2006 г. последовательно выражались идеи о необходимости укрепления суверенитета и развития демократии в России. Особенно показательным было Послание Федеральному Собранию, прозвучавшее 25 апреля 2005 г. «Главной политико-идеологической задачей, — сказал В. Путин, — считаю развитие России как свободного, демократического государства. <...> Порой можно слышать, что поскольку российский народ веками безмолвствовал, то и свобода для него якобы непривычна и не нужна. И будто бы поэтому наши граждане нуждаются в постоянном начальственном присмотре. Хотел бы вернуть тех, кто так

считает, к реальности. <...> Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром. <...> Убежден, что для современной России ценности демократии не менее важны, чем стремление к экономическому успеху или социальному благополучию людей» [3]. Однако здесь же Президент делает важное замечание: «Россия — это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути» [3]. Таким образом, «тезис о «суверенности» российской демократии был очевидным образом использован для легитимации «особенностей» отечественного транзита, и в частности — проводимых В. Путиным политических реформ» [4, с. 268].

Эти идеи получили дальнейшее развитие в концепции «суверенной демократии» заместителя главы Администрации Президента РФ В. Суркова, озвученной им перед активистами «Единой России». В. Сурков определяет суверенную демократию следующим образом: «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» [5, с. 394].

После выступления В. Суркова концепция «суверенной демократии» сразу же оказалась в центре достаточно жесткой полемики. Очевидно, что представители власти находили все возможные плюсы в предложенной доктрине, обвиняя, в свою очередь, противников концепции в нежелании идти на компромисс с властью. Однако на вершине самой власти неожиданно возникло некоторое «несогласие», и заявил о нем не кто-нибудь, а занимавший должность первого вице-премьера Д. Медведев. Он заявил следующее: «Мне кажется, суверенная демократия — далеко не идеальный термин. Гораздо более правильно говорить о под-

линной демократии или просто о демократии при наличии всеобъемлющего суверенитета. Если же к слову «демократия» приставляются какие-то определения, это создает странный привкус. Это наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии. Демократия и государственный суверенитет должны быть вместе. Но одно не должно подавлять другое» [6, с. 217—218]. Свое мнение он объяснил тем, что как юрист по образованию привык рассматривать в разных плоскостях понятия «демократия» и «суверенитет».

Д. Медведев был не единственный представитель власти, усомнившийся в концепции «суверенной демократии». Свою критическую точку зрения также высказал кремлевский политолог А. Мигранян: «Очевидно, что в термине «суверенная демократия» сведены два понятия, относящиеся к принципиально разным сферам жизни государства: понятие «суверенитет» обычно применяется к государству как субъекту международных отношений, а «демократия» олицетворяет форму политической власти. Государство может иметь ограниченный суверенитет вне зависимости от формы политической власти — демократической, авторитарной или даже тоталитарной. Возникают и другие вопросы. Скажем, если применительно к существующей власти используется термин «суверенная демократия», предполагает ли это наличие какой-то особой демократии, которая отрицает само понимание универсальных демократических институтов и ценностей, присущих ведущим западным странам?» [7, с. 221].

Каково же в целом было отношение к концепции «суверенной демократии» среди современной российской элиты? После выступления В. Суркова ВЦИОМ провел исследование «Мировоззрение и идеология современной российской элиты», направленное на выявление идеологических воззрений представителей различных групп российской элиты. Среди прочих вопросов в интервью был включен также вопрос о суверенной демократии. Из результатов опроса видно, что у элиты не сложилось консолидированного мнения относительно данного вопроса. Немногим более 40 % опрошенных положительно отнеслись к этой концепции, причем только 31 % воспринял ее адекватно, то есть как независимую в политическом смысле демократию, при этом добавляя, что это независимость от влияний и попыток извне навязать стране западный тип демократии, в то время как нам действительно необходима демократия,

учитывающая национальную специфику. Таков был лейтмотив высказываний. Еще 10,8 % положительно воспринявших «суверенную демократию», не были способны описать ее в авторском смысловом контексте или же давали свое, отличное понимание. Оно сводилось к предположению, что суверенная демократия гораздо более демократична, нежели демократия обычная, и что это хорошо в принципе.

Отрицательно на период опроса к этой концепции отнеслись 54,3 % опрошенных. Из них 42,6 % так или иначе аргументировали свою позицию. В большинстве случаев они утверждали либо что «демократия» — понятие самодостаточное и не терпит приставок, либо что понятия «суверенитет» и «демократия» принадлежат к разным смысловым категориям и не могут сочетаться.

Была распространена также точка зрения, что этот термин вообще не поддается пониманию в силу его смысловой пустоты. Еще 11,7 % выразили отрицательные эмоции скорее эмоционально, нежели логически, нередко прибегая при этом к крайне негативным терминам, но не предьявляя логической аргументации [8, с. 47].

Итак, очевидно, что сама элита не выработала солидарного отношения к концепции «суверенной демократии». Конечно, срок для такого освоения явно недостаточен, да и отношение к демократии само по себе неоднозначно и по определению не предполагает всеэлитного соглашения, особенно если это понятие сопровождается смысловыми дополнениями. Однако следует отметить, что представители властной элиты, хотя и высказывали одобрение концепции, слабо владели понятийным аппаратом и выражали поддержку подчас «по долгу статуса». Возникает вопрос: если внутри властной элиты нет консенсуса относительно оценки концепции «суверенной демократии», претендующей на роль идеологии, а то и национальной идеи, то откуда у населения возникнет вера в ее потенциал? В условиях народовластия ни одна доктрина не может функционировать, если ею пользуется лишь исполнительная власть.

Таким образом, использование термина «суверенная демократия» — это определенный способ объяснения действительности. Это своего рода попытка придать легитимность всему, что происходит в стране: вот есть демократия — она такая, какая есть, управляемая, суверенная, несовершенная. Но такая она и должна быть, по крайней мере, в нашем климате и в этих исторических условиях. Наличие уточняющего определения («суверенная»)

указывает именно на особую разновидность демократии, так называемую национальную разновидность. И хотя сам В. Сурков не раз обращал внимание на недоработанность термина, концепция прижилась, но реализуют ее по принципу «как пожелаем, так и сделаем».

Получилось нечто, с одной стороны, напоминающее идеологию власти (можно было бы назвать ее и государственной идеологией, однако последняя в России запрещена Конституцией — п. 2 ст. 13), а с другой — претендующее на высокое звание национальной идеи, которая была востребована к концу второго президентского срока В. Путина. Укрепление власти, превратившись в самоцель, не создало мощной основы для объединения общества, способной минимизировать социальные последствия возможных нештатных ситуаций. В таких условиях, по мнению Кремля, именно идеология, а в идеале национальная идея, должна выполнить функцию объединения общества — мобилизовать самые разные «целевые аудитории».

Как отмечает Д. Орлов, генеральный директор Агентства политических и экономических коммуникаций, «суверенная демократия — уже не просто эффективная политическая концепция. Она превратилась в действующую доктрину, которая реально консолидирует правящую элиту и правящую партию» [9, с. 3]. В данном случае следует обратить внимание на то, что по вопросу консолидации правящей элиты с российским обществом не сказано ни слова. Поэтому не удивительно, что, поскольку в большинстве своем граждане России не имеют четкого представления о том, какие положения характеризуют концепцию «суверенной демократии», а соответственно национальную идею, объединяющей все российское общество эта элитарная концепция вряд ли станет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев А. И. Политология : политическая теория, политические технологии : учебник для вузов / А. И. Соловьев. — М. : Аспект Пресс, 2000. — 559 с.
2. О России с тревогой и надеждой. — СПб. : Алетейя, 2008. — 292 с. — (Серия «Левиафан: Государство. Общество. Личность»).
3. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.intelros.ru/2005.htm> (дата обращения 17.05.2009).
4. Глухова А. В. Какая демократия нужна России? / А. В. Глухова // Государство и его подданные : века сотрудничества и противостояния : материалы Третьей

региональной научной конференции (г. Воронеж, 3 февраля 2009 г.) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. — Воронеж, 2009. — С. 267—270.

5. Сурков В. Национализация будущего / В. Сурков // PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. — М., 2007. — С. 393—411.

6. Медведев Д. Для процветания всех надо учитывать интересы каждого / Д. Медведев // PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. — М., 2007. — С. 217—219.

7. Мигранян А. Зачем России концепция «суверенной демократии»? / А. Мигранян // PRO суверенную демократию : сб. / сост. Л. В. Поляков. — М., 2007. — С. 221—224.

8. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. — М. : Институт общественного проектирования, 2008. — 296 с.

9. Орлов Д. Политическая доктрина суверенной демократии / Д. Орлов // Суверенная демократия : от идеи к доктрине. — М., 2007. — С. 3—10.

Воронежский государственный университет

Горева Н. А., аспирантка кафедры социологии и политологии

E-mail: nadya_goreva@mail.ru

Тел.: 8-905-653-59-39

Voronezh State University

Goreva N. A., Postgraduate Student of the Sociology and Political Studies Department

E-mail: nadya_goreva@mail.ru

Tel.: 8-905-653-59-39